

«Я еще жива, и мне не нужны отписки...»

Ключь. Я и знала, что сказала в городе, - поговорили со мной еще в Москве, умладшей дочери, Татьяны.

- Да, я - здесь и еще жива, - раздалось в трубке, а слышалась в ней и невысказанная резкость: «Представьте себе!..» - меня предупреждали, что Нина Яковлевна, вдова Петра Степановича Комарова, человек четкий и категоричный, - жизнь была не слишком легкая, да и годы берут свое, - ей ведь уже 95-ти лет, и такое горе!..

- Вы, наверное, знаете, что у меня пропал сын? И ведь отказали в уголовном деле, и поиска никакого, а мне бы только узнать, что с ним стряслось, да отыскать хоть что-нибудь и захоронить по-божески, - на том и успокоились, когда я приду и что нужно поговорить.

...Господи, кажется, только и всего: узнать, что отряслось в этой тайге с ее Сережей, и предать его остаки земле, - весь смысл того, что ей осталось из отпущенного на роду срока, для нее как раз в этом. И она в полной растерянности, что почти за два года известий - никаких, кроме сухих ответов Хабаровской районной прокуратуры, для возбуждения уголовного дела по факту исчезновения Комарова С.П. - состава нет, и вы вправе обратиться в суд...

А Нина Яковлевна считает все это - пустыми отписками, - полагая, что никто и в Хабаровске, и в Кукане пальцем не стукнул при попытке усилить усилия к поиску сына. Она пытается держать руку на пульсе, - звонила в следствие и в сам Кукан, где Сережа знаны, - он ведь там прожил почти двадцать лет после того, как однажды его укусили в тайге клещ, и врачи перенесли операцию, реабилитацию, настало время воздыхать и жизни, далеком от его профессии инженера и городских счет, но каждый раз слышала одно и то же: мол, ищем, а в сам Кукан никто не выезжал...

Вот тогда Нина Яковlevna, собрав от отчаяния все «отписки», попросила свою поручительницу, - Клару Николаевну Зилову, известного в городе исследователя и сотрудника литературного отдела краеведческого музея, с которой особенно слизилась в последнее время, - уложить все бумаги в один большой конверт и отправить в адрес отправителя, с порцией колкостей. Она так и сделала, жаль только, что копии не сняла, - для хронологии и истории.

- У меня, правда, еще одно сожаление тогда возникло, - сказала она мне, - а не поздно ли тревогу быть? Ведь два года прошло, но Нина Яковлевна, как человек интеллигентный, ответила мне, что старалась не надеяться, полагалась на профессионализм системы...

А были знаки по судьбе, не только сны

Чем она меня поразила? Прихожу в назначенный час, - а человек у себя дома, и здоровье уже не то, чтобы позволить себе хоть изредка спуститься во двор, и одна радость - вид из окна на Преображенский храм, а встречают меня аккуратно прибранные женщины, с бодрой речью, в красивом платье с брошью, и не в тапках, заметьте, как некоторые, а в белых лаковых лодочках, - с ума сойти! Чем значит - порода...

Мы просидели над семейным альбомом, - вот ведь за что нужно вляпаться музыкантам и архивистам, - таков это благородство и семейная история в уникальных снимках начала про-

С Петром Комаровым, первый снимок

С маленьким Сережей

Юлия Смирнова
на руках: Хабаровск,
1938-год

и табельного пистолета, и пуля летела прямиком к нему в окно, чудом застряв в переплете, - и все было ничего, да в тот момент беременная Нина как раз заправляла постель - у того самого окна. Распрымилась и увидела поборочки.

Сейчас она понимает, что это был как бы первый знак судьбы, а вчера явился по-

ти следом, когда Сережа прошел восьмой месяц и Нина решилась съездить с ним на запад, повидаться с родными: те объявились во Ржеве, - в их родовом гнезде, - семейный сбор. Мама была одна, и денег на дорогу особенно не было, разве что - на плацкартку, но в кассе осталась лишь мягкий затон. Вот и пришлось потратиться, а у

Байкала произошло страшное крушение: подмыло дну, возникла воронка, а с сопох сошел еще и оползень, - он и прогрел под собой несколько вагонов с «хлебом», где по идее и должны были оказаться Комаровы... А как они чудом уцелили в грядущую седьмью, сихто «непролетарским происхождением»? Бог мой, да

мать с той семейной встрече, - чувство крайней потрясности и тревоги, как в их любимом романсе: «В саду горят огни сияньи красной, но никого не может согреть...»

Уже после войны, когда Нина окажется с окаянкой в Риге, - чтобы навестить семейство Задоновых, в котором уже появился маленький Миша, - она случайно узнает от своей провожатой землячки из Риги, как могла исчезнуть мама: город еще был под немцами, но уже жали на них, и однажды она, осмелившись, пошла с женщинами за болту менять вещи на хлеб, а их перестреляли всех - с берега, в спину...

- И, видимо, побросали потом в Болту, были свидетели, - как бы между прочим рассказала об этом та землячка, а Нина Яковлевна до сих пор помнит скучное выражение ее лица и свое возмущение: «Да как же ты так можешь? «Подбросали!»

А бабушка - до конца своих дней - так и не одолела русского, как говорит теперь Нина Яковлевна: «Проявляла в том умеренное странствие...». Зато вела дом, управляясь с прислугой, рассказывала у модисток наряды, - даже для малолетних внучек единственной своей дочери Августине, - в альбоме у Комаровых есть фото от 1914-го года, где они сидят в саду их имения с сестрой Тасей, и на обеих - чудные платья с плиссой, - и все мечтала уехать в Париж, поначалу с любым сыном Базилем, затем с внуком Жозефом...

К тому времени весь их многочисленный род - детей только восемь, а еще и долги дяди Базиля, который был зядным игроком, - легли на плечи сестры

Нины Яковлевны, Якова Яковлевна Ходаковская...

Ходаковская, обученная, верная, Сергей его со щенков воспитал - на витаминах, живом мясе, - и тайгу он знал превосходно, и с роду никого не боялся, а тут вернулся в начале декабря, и не узнали его: какой-то запуганный, потерянный. И когда по горячим следам снарядили поисковую brigadu из местных мужиков, - как рассказывал Комаровым охотник Чурсин, он в свое время и дарил Малыша Сергею Петровичу, идти со всеми в тайгу лес отказался. Натрезв, как ни уламывали.

- А все те дни Сережа мне снился и звал меня, звал, чтобы я ему помогла, но как я могла? И мне покоя нет, что этого не сделала...

«Не согласны, обращайтесь в суд...»

Горько от всей этой истории, - странной и тяжелой, - но в которой все же больше желания закрыть дело и отписаться, чем вникнуть и помочь. Хотя бы кто из прокурорских, - а какие там по ответам были фамилии: Пьянзина, Серый, - взял себя за труд сорваться да однажды навестить на дому вдову Комарова: не в Кукане ехать, а на Мурзевава-Амурского, - в дом, где бывший Дворец пионеров, Красная линия, самый Центр.

Всего-то и нужно было действительно держать ее в курсе дел, если эти были на самом деле занимались...

А Валя взглянула прошлым летом в Кукан, - где жив отцов дом, который в лучшие времена семьи служил им летней резиденцией, - и узнала про такую деталь. Что в тот год, когда пропал Сергей Петрович, в тайге под Куканом исчезло еще шесть местных охотников, - тоже случайность?

Ирина Полникова
Фото из семейного архива Комаровых